

ПЕЦЕЛ И СОЛЬ

A woman with long, light-colored hair, wearing a dark, long-sleeved dress with lace detailing, stands on the wooden deck of a ship. She holds an open, old book with a leather cover and a metal clasp. The background shows a dramatic sky with a bright lightning bolt striking the sea, and the ship's masts and rigging are visible. The overall mood is mysterious and atmospheric.

кира венцлер

Кира Венцлер

Пепел и соль

«Автор»

2026

Венцлер К.

Пепел и соль / К. Венцлер — «Автор», 2026

Агнес знает: книги умеют отвечать, если их правильно спросить. Чёрный том без названия пахнет озоном и обещает вернуть лицо погибшей матери в обмен на четыре проклятых камня. Первый камень пробужден кровью убитого. Второй — огнем очага вдовы. Спасаясь от разъяренного отчима и людей с револьверами, Агнес бежит из разрушенного города к Кладбищу кораблей. Чтобы выжить и снять маску с призрака прошлого, ей придется стать капитаном мертвого судна «Асмодей». Впереди — соленое сердце океана, пустая колыбель и шторм, который сама же она и призвала.

© Венцлер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Знакомство с Агнес	5
Глава 2. Мистическая находка	7
Глава 3. Открой там, где кончается соль	9
Глава 4. Агнес находит первый ключ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Кира Венцлер

Пепел и соль

Глава 1. Знакомство с Агнес

Холодная вода обожгла лицо, выбив из головы остатки сна. Агнес задержала дыхание, пока ветки мяты и кубики льда бились у переносицы. Рецепт Клеопатры она нашла в одной из забытых хозяином книг ещё год назад. Каждое утро эта процедура возвращала её к жизни. Вытерев щеки жестким полотенцем, она посмотрела в мутное зеркало над раковиной. От природы густые черные брови тяжело нависали над голубыми глазами, делая взгляд вечно виноватым. Уголки пухлых губ опустились вниз — казалось, девушка вот-вот заплачет. С детства она любила плакать по любому поводу, за что отчим прозвал её плаксой.

Из комнаты наверху донёсся грохот опрокинутой бутылки. Пора спускаться.

Дом просыпался вместе с похмелем отчима. Сам он был огромен и неуклюж, после себя оставлял липкие лужи пролитого чая, россыпи хлебных крошек и кислый дух перегара. Его обеденный стол никогда не знал тряпки. Остатки селедки в его комнате успевали покрыться желтой пленкой прежде, чем Агнес разрешалось войти туда с ведром. В дни запоя она старалась не дышать. Её задача была простой: стать невидимой тенью, которая подливает холодный чай, бежит в лавку за портвейном и молчит.

— Где ты ходишь, дрянь! — голос прогремел с лестницы, перекрывая скрип ступеней. — Почему чай остыл? Чем ты там занимаешься, ленивая корова?

Агнес втянула голову в плечи, плотнее запахивая на груди мешковатую кофту ручной вязки. Шерстяные нити тут же впились в нежную кожу ключиц. Она протянула ему кружку, стараясь смотреть мимо лица.

В такие моменты память услужливо подбрасывала картинки из детства. Мать так же сжималась в комок, боясь лишний раз звякнуть ложкой. Однажды отец — тогда он еще не казался ей чудовищем — вышел из себя. Ударил мать наотмашь. Та упала, ударившись виском об угол дубового стола. Тишина, которая наступила после, оказалась страшнее самого удара. С тех пор тишина стала главным врагом Агнес.

Она научилась быть идеальной прислугой. Прилежная учеба спасала спину от ремня, а полное отсутствие друзей избавляло от лишних вопросов дома. Школа закончилась. Агнес даже не пыталась никуда поступать. Единственный институт города захлопнул бы створки ворот при первой же строчке в графе «Фамилия». Фамилию, ставшую в городе синонимом позора.

Выбор — опасное слово для этого дома.

Единственным местом, где воздух принадлежал только ей, оставался книжный магазин на углу улицы. Для Агнес книги были живыми. Они умели разговаривать, если правильно задать вопрос, проведя пальцем по обрезу страниц. Сколько раз они отвечали ей, давая советы лучше любой подруги.

Сегодня она пришла на смену разбитая. Ночью снова были те самые сны — целые путешествия по мирам, которые она училась моделировать сама, прочитав главу про осознанные сновидения. Жаль только, что из глубокого транса её вырвал не будильник, а храп отчима, тряслись старые балки дома.

Пронзительный морской ветер просачивался сквозь щели старой оконной рамы магазина, смешиваясь с запахом типографской краски, пыли и сладковатой нотки ванили от новых

глянцевых обложек. Агнес поправляла стопку исторических романов, когда услышала глухой стук.

На пол, подняв облачко седой пыли, упал тяжелый том. Старая, в кожаном переплете цвета запекшейся крови. Она лежала в метре от полки, хотя сквозняка не было.

Агнес замерла. Никто из покупателей не заходил в этот дальний угол уже полчаса. Девушка оглянулась на колокольчик над дверью — тихо. Медленно подходя, она ожидала увидеть гневного хозяина, но тот дремал в подсобке.

Книга была тёплой. Не нагретой солнцем, а пульсирующей внутренним жаром, словно только что выпустили из рук. Агнес провела пальцами по глубокому тиснению на корешке, подняла томик и поднесла к лицу.

Пахло не просто старой бумагой. Так пахнет одиночество долгих морских переходов. Под верхним слоем бумажной пыли скрывались ноты табака, высохших чернил и чего-то неуловимо соленого, как брызги шторма. Чьи руки согревали эту обложку? Какие тайны оставили свой след на полях?

Она раскрыла книгу наугад. На форзаце витиеватым почерком было выведено всего два слова: «Не бойся». Сердце пропустило удар — этот почерк она видела раньше — но истошный звон колокольчика вырвал её из оцепенения.

Хозяин Илья Маркович рявкнул из подсобки, требуя подать ему вчерашнюю газету. Очарование момента разбилось о резкий его окрик.

Агнес засунула книгу за пояс фартука, прижала к груди, пряча от чужих глаз, и пошла встречать утреннего покупателя. Сердце колотилось где-то в горле. Впервые за долгие годы кто-то заговорил с ней. Пусть и через пожелтевшие страницы.

Глава 2. Мистическая находка

Пахло пылью, подмокшим картоном и засушенной лавандой. Этот дух стоял в дальнем левом углу магазина, за стеллажом с никому не нужной дореволюционной публицистикой, куда годами никто не совал носа. Агнес приходила сюда дышать. Когда тошнота от кислого запаха перегара отчима подступала к горлу ещё дома, она задерживала дыхание на лестнице, взлетала в свою каморку под крышей, а затем бежала сюда в пахнущий старостью угол.

Лаванда перебивала гниль. Она стояла, прижавшись виском к холодной полке, и ждала, пока выровняется дыхание. В кармане передника грелась мелочь — пятьдесят копеек серебром, которые отчим швырнул ей утром на хлеб. Хлеб она купит по дороге домой вечером, чтобы буханка не успела остыть в ледяных руках. А сейчас монетки были её личным капиталом. Агнес провела пальцем по корешкам. Кончики пальцев наткнулись на шершавую гладь телячьей кожи, на острый край истлевшего коленкора, на неожиданный провал.

Там, где должен был покоиться третий том «Записок о флоре Таврической губернии», зияла сосущая пустота. Книгу купил вчера лысеющий господин в чесучовом пиджаке, долго торговавшийся из-за пятна плесени на форзаце. Но рядом с пустотой обнаружилось нечто другое. Книга лежала плашмя, втиснутая между скучной историей фабрикантских династий и сборником стихов забытого поэта Серебряного века. Она была чужая этому ряду так же, как сама Агнес была чужа воскресным гуляньям в городском саду. Обложка казалась чёрной только издавдала. На самом деле она впитывала свет. Глубокий, глухой цвет мокрого асфальта после ночного дождя. Ни названия, ни автора. Только тиснение — тонкая, почти стёртая веточка чертополоха. Металл застежки, которой скреплялись края, отдавал не латушью, а густым багрянцем старой меди.

Агнес знала каждую книгу в магазине. Старик-хозяин, Илья Маркович, полуслепой и глухой на одно ухо, давно переложил учёт товара на неё. Пальцы девушки сами потянулись к находке. Она чувствовала, как они дрожат. Долго не решалась прикоснуться. Книга оказалась тяжёлой. Невероятно тяжёлой для своего скромного размера — едва ли больше ладони. Словно внутри была не бумага, а слежавшийся речной песок или свинцовая пластина. Агнес уперлась большим пальцем в край переплёта, пытаясь преодолеть сопротивление стиснувших её соседей. Затем она просто раскрыла её посередине. Никаких чернил. Никаких букв. Страницы были абсолютно пусты. Гладкие, цвета слоновой кости, они даже не пожелтели от времени. Но когда Агнес поднесла разворот ближе к лицу, в нос ударил резкий запах озона, грозы и мокрого железа. Так пахнет воздух сразу после того, как молния расщепляет небо над морем. И ещё — тонкий, тревожный аромат розового масла. Тот самый, что иногда просачивался в её сны.

— Опять спишь на ходу, Агнес?

Голос Ильи Марковича прозвучал прямо над ухом, заставив Агнес вздрогнуть и захлопнуть томик. Замок щелкнул с неожиданно громким костяным звуком.

— Простите, — выдохнула она, пряча находку за спину. Сердце колотилось где-то в горле. — Я проверяла порядок на полке. Старик прищурил свой единственный зрячий глаз. Другое мутное бельмо всегда смотрело в сторону моря. Он пожевал губами, поправил съехавший набок вязаный жилет и шумно втянул ноздрями воздух.

— Озоном тянет, — хрипло констатировал он. — Будет шторм к вечеру. Чай уже перестоялся. Выброси эту бурду, завари свежий. И если закончила проверять свои сокровища, иди обслужи даму. Третий час мнётся у детективов, портит мне торговлю своим ожиданием.

Илья Маркович шаркающей походкой удалился в подсобку, оставив после себя слабый шлейф нюхательного табака и типографской краски. Агнес осталась одна. Дама у детективов громко вздыхала, шелестя глянцевыми обложками.

Мимо витрины проехал ломовой извозчик, обдав стекло грязной водой из лужи. Обычное утро начало перетекать в привычную рутину дня. Девушка разжала ладонь. Черная книга легла в ладони тяжело и прохладно. Холод камня, а не бумаги. Агнес снова посмотрела на пустующее место третьего тома «Флоры». Чесучовый пиджак забрал его вчера. Значит, эта книга появилась здесь сегодня утром, до открытия магазина.

Когда дверь была заперта на два оборота, а единственным ключом владел Илья Маркович, который спит как убитый и никогда ничего не приносит, кроме дешевой махорки. Кто-то вошел сквозь стену. Или вложил её в руки спящей Агнес, хотя девушка точно помнила, что засыпала, до боли в глазах читая дешевый бульварный роман в мягкой обложке, лишь бы не слышать храп отчима.

Она оглянулась на подсобку. Голос старика бубнил что-то неразборчивое в телефонную трубку. Никто не смотрел. Агнес сунула книгу во внутренний карман своего широкого фартука. Плотная ткань скрыла очертания, но тяжесть тут же оттянула карман так, что грубая мешковина впиалась в бедро. Девушка накинула сверху серую шаль, которую использовала вместо кофты, одернула передник и вышла в торговый зал. Дама всё-таки выбрала себе книжку. Агнес завернула её в грубую коричневую бумагу, перевязала бечевкой. Руки двигались механически, складывая ровные складки.

— С вас сорок семь копеек. Дама протянула тусклый рубль. Агнес дала сдачу, стараясь, чтобы пальцы не дрожали. Внутри кармана, прижатая к ребрам, пульсировала холодная медная застежка. Когда за покупательницей закрылась дверь с колокольчиком, Агнес прислонилась спиной к дверному косяку. Воздуха вдруг стало мало. Запах старой бумаги, клея и пыли показался ей самым сладким ароматом на свете, потому что он скрывал другой — запах приближающейся грозы, запертый теперь в кармане её фартука.

Она украла книгу. Впервые в жизни сделала то, чего делать было нельзя. За кусок зачерствевшего хлеба отчим мог оставить багровый след ремня на спине, но за книгу... Об этом страшно было подумать. Но страх этот был живым, горячим, он разгонял кровь лучше, чем ледяная мятная вода по утрам. Колокольчик над дверью звякнул снова.

Агнес поспешно выпрямилась, натягивая на лицо привычную маску покорности. Она прижала книгу к груди, прикрывая полами фартука, и шагнула навстречу новому покупателю. Пустота на полке, где раньше стояла книга, теперь смотрела в спину укоровизненным взглядом слепого глаза Ильи Марковича.

Глава 3. Открой там, где кончается соль

Холодный морской ветер встретил её на крыльце магазина. Он забирался под широкий фартук, ледяными пальцами оглаживал колени и пытался вырвать из рук бумажный свёрток с покупкой для отчима — тот требовал свежий выпуск «Ведомостей». Агнес прижала локоть к боку, пряча внутренний карман фартука, где лежала чёрная книга. Она чувствовала её рёбрами — чужеродную, пугающую тяжесть.

Домой она вернулась затемно. Отчим уже спал прямо в прихожей, уронив тяжёлую голову на скрещенные руки. Рядом стояла пустая бутылка из-под портвейна, валялся надкушенный солёный огурец. Агнес переступила через вытянутые ноги отчима, стараясь даже не дышать. Рассохшиеся доски предательски скрипнули. Мужчина что-то неразборчиво промычал во сне, дернул ногой, но не проснулся.

Она вскарабкалась по крутой лестнице на свой чердак, преодолевая сбитое дыхание. Заперла дверь на хлипкий крючок. Комната встретила её привычным могильным холодом. Из щелей в рассохшейся раме тянуло солью и гниющими водорослями.

Агнес сбросила шаль и осторожно двумя руками извлекла книгу из-под передника. В полумраке вороний цвет обложки казался бездонным провалом. Девушка положила находку на единственный стол, застеленный старым шерстяным пледом, и зажгла керосиновую лампу. Жёлтый огонёк выхватил из темноты медную застёжку. Теперь, при свете, Агнес увидела то, чего не заметила в магазине: вокруг стебля чертополоха шла едва заметная вязь букв. Они были выдавлены глубоко в кожу, почти стёрты временем, и прочитать их можно было только водя пальцем по контуру. Буквы складывались в слова на языке, которого она никогда не учила, но смысл почему-то пульсировал под кожей холодом: «Открой там, где кончается соль».

Пахло всё так же — грозой и розовым маслом. Этот запах странно успокаивал, перекрывая миазмы дома внизу.

Первым делом Агнес подошла к окну и плотно задвинула шпингалет. Морской сквозняк постоянно гулял по её комнате, поднимая в воздух пылинки и старые письма, которые она хранила в жестяной коробке из-под леденцов. Затем она заложила дверной косяк старым полотенцем — примитивный сторожок, если отчиму вздумается подняться сюда ночью. Хотя он редко покидал первый этаж, предпочитая не выходить из своего логова даже ради того, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Только обезопасив периметр, она села за стол. Сняла багровую застёжку. Та поддалась с сухим, ломким треском, похожим на звук лопнувшей яичной скорлупы. Обложка раскрылась сама собой, словно кто-то перевернул страницу невидимым дыханием.

Страницы больше не были пусты. На первой странице проступали буквы. Обычные, печатные, черные. Но они не были нанесены краской. Казалось, типографская краска выжжена изнутри самой бумаги, светясь чуть более глубоким тоном, чем текст на соседних страницах. И бумага здесь была другой — теплой на ощупь, мягкой, похожей на лепесток живой розы, а не на мертвое дерево. Агнес провела по ней подушечкой пальца. Лист дрогнул, мелко затрепетал, и строчки поплыли вправо, выстраиваясь заново.

«Ты звала нас каждую ночь, — гласил ровный, убористый почерк. — Мы слышали твой плач в каминной трубе. Мы видели твои сны о кораблях. Сегодня ты принесла нам дом. Это большая ответственность».

У Агнес перехватило дыхание. Она захлопнула книгу. Сердце заколотилось о ребра так сильно, что заболело в груди. Книга читала её мысли? Знала про корабли? Слышала плач? Она сидела неподвижно минуту, две, пять, прислушиваясь к храпу снизу. Дом молчал. Только маятник старых ходиков на стене отбивал секунды, да где-то за стеной скреблась мышь. Девушка

медленно выдохнула и снова открыла том. Осторожно, затаив дыхание, перевернула страницу. Ничего. Чистый лист цвета топленого молока. Разочарование острым ножом полоснуло по сердцу. Показалось? Игра теней от керосинки?

— Ну же, — прошептала она одними губами. — Пожалуйста. Она закрыла глаза, ослабила плечи, выровняла дыхание. Представила, чего она хочет больше всего на свете. Не корабль. Не другую страну. Сейчас она хотела лишь одного — понять. Понять, почему она осталась одна. Почему мать позволила этому случиться. Она положила обе ладони на разворот. Ладони тут же впитали жар страниц. Розовый аромат ударил в нос резко, до головокружения.

Агнес открыла глаза. Чернила вернулись. Но теперь это был не просто текст. На левой странице проявился рисунок. Уголь или тушь — глубокие, бархатные линии. Женщина в кресле-качалке. Лицо было смазано, намеренно стерто, но изгиб шеи, линия плеча, рука, бес- сильно лежащая на подлокотнике — Агнес знала эту линию лучше собственной. Это была её мать.

А на правой странице проступал текст: «Её забрали воды. Не те, что снаружи твоего окна. Внутренние воды. Те, что стоят слезами в глазах, когда нельзя кричать. Чтобы вернуть голос той, у кого нет лица, тебе нужно найти четыре камня. Первый камень спит в горле певчей птицы». Агнес перечитала последнюю фразу три раза. Горло певчей птицы. Певчие птицы жили в клетках. Или на воле. Какая птица может спать в горле? Разве что... разве что та, что вырезана из дерева? Или фарфора? Она посмотрела на подоконник. Там, между флакончиками с засохшим кремом и клубками грубой пряжи, стояла единственная красивая вещь в её комнате — старая музыкальная шкатулка, оставшаяся от матери. Деревянная птичка с золотыми крылышками застыла на открывающейся крышке, готовая вот-вот запеть свою единственную, сломанную мелодию.

Книга пахла морем. Но это было другое море — глубокое, темное, зовущее во впадины дна. Агнес встала. Тело стало ватным, колени подгибались от усталости и пережитого ужаса пополам со странным, пьянящим восторгом. Она взяла со стола книгу. Тяжелый том лег в сумку-мешок, которую она брала на работу. Сумка сразу стала неподъемной, пригibas девушку к полу.

Нужно спрятать. Под половицей? Слишком очевидно, отчим однажды вскрывал доски, искал завалившуюся мелочь. За печную заслонку? Слишком жарко, кожа переплета пересохнет. Взгляд упал на старую ножку железной кровати. Матрас давно сбился вниз, обнажив витую бронзовую опору, напоминающую когтистую лапу. Между основанием «лапы» и деревянным полом была узкая щель, забитая войлоком и пылью.

Агнес опустилаcь на колени. Пальцы нырнули в пыль. Войлок поддался с тихим вздохом. Она протолкнула книгу внутрь, глубже, пока та не скрылась в темноте под кроватью. Вернула войлок на место и тщательно засыпала его серой дорожной пылью, собранной по углам. Со стороны казалось, что никто ничего не трогал. Она заползла под свое ватное одеяло, не раздеваясь, только сняв тяжелые башмаки, ударив каблуками о доски. Зубы выбивали дробь — то ли от промозглого сквозняка, то ли от внутреннего озноба. Сон пришел мгновенно, накрыв её тяжелым шерстяным пологом. Но впервые за долгие годы это был не полет над лазурными волнами.

Ей снился чулан под лестницей. Тот самый, куда отчим запирали её в детстве за пролитый суп. Там было абсолютно темно, пахло нафталином и мокрым сукном. Агнес стояла на коленях, шаря руками по грязному полу. Искала что-то маленькое, твердое, круглое. Камень. Первый камень. Тот, что спит в горле певчей птицы.

Глава 4. Агнес находит первый ключ

Утро началось не с холода, а с тишины.

Тяжелой, звенящей в ушах тишины, какая бывает только после жестокой попойки, когда пьющий вычерпал себя до самого дна. Отчим не храпел. Он лежал на матрасе в своей комнате — бесформенная груда грязного белья и застарелого пота. Дверь была приоткрыта, и из щели тянуло сладковатым духом скисшего вина. Агнес стояла на верхней ступеньке лестницы, боясь выдохнуть. Любой скрип мог разбудить его, а бодрый отчим был страшнее спящего втрое: похмельная злоба всегда ищет виноватого, если рядом нет бутылки, о которую можно сбить косяшки в кровь.

Она спустилась вниз босиком, ступая по самым краешкам дубовых ступеней, которые знала на ощупь. На кухне её встретила привычная разруха. Застывший жир в сковороде подернулся сизой пленкой. На столе валялись хлебные крошки, вплавленные в лужицу пролитого чая. Мухи лениво ползали по краю липкой сахарницы.

Агнес двигалась как во сне, но руки делали свою работу механически и точно. Набрать воды из колонки во дворе. Зажечь плиту. Счистить грязь. Она драила чугунную сковородку песком, пока та не начала блестеть, и этот монотонный скрежет успокаивал лучше любых молитв. В голове билась одна мысль, горячая и пульсирующая, словно вторая кровь: «книга». Она ждала её там, наверху, надежно укутанная в пыль и войлок. И эта мысль делала лицо матери в книге почти реальным. Мать смотрела со смазанной страницы без укора, лишь с бесконечной, выжидающей усталостью.

Внутренний карман фартука оттягивала медная застежка. Агнес сняла её вчера ночью, прежде чем спрятать переплет, и сунула в карман. Металл оставил на коже красный след, который приятно охлаждал пальцы сквозь грубую ткань.

— Ты чего топочешь, как лошадь? — голос раздался так внезапно, что Агнес вздрогнула, плеснув горячей водой мимо чашки.

Отчим стоял в дверях кухни. Босой, в несвежей нательной рубаше до колен. Его глаза, обычно мутные от выпивки, сегодня были ясными, колючими и опасно трезвыми. Похмельный сушняк стянул кожу на его лице, сделав морщины вокруг рта глубокими, как шрамы.

— Вода закипает, — тихо ответила она, опуская взгляд на эмалированный чайник. Носик бил густой струей пара. — Я слышал, ты ходила ночью. — Он шагнул вперед. Старые доски пола даже не скрипнули под его тяжелым весом. — Куда?

Ледяные иголки пробежали вдоль позвоночника. Он не мог ничего слышать. Лестница была слишком стара для таких мягких шагов. Или ей показалось, что она ступала мягко?

— Никуда. Пить хотела. Поднялась к себе, — солгала Агнес, заставляя себя смотреть ему прямо в переносицу, а не в глаза. Главное правило выживания — никогда не показывать страх тому, кто питается им на завтрак. — Пить она хотела, — передразнил он, кривя губы. От него разило кислятиной, табачным перегаром и застарелым потом. — А может, кавалера принимала? Выросла, цыпочка. Ноги вон какие прячешь. Думаешь, я ничего не замечаю?

Он сделал еще один шаг, загоняя её в угол между столом и печью. Пространство мгновенно стало тесным, спертым, лишенным кислорода. Агнес вжалась спиной в холодное зеркало печи, чувствуя каждую трещинку глазури лопатками. Руки, сжимавшие мокрую тряпку, мелко дрожали.

— У меня никого нет, — прошептала она. — Проверим, — ухмыльнулся отчим. Его желтые от никотина пальцы медленно потянулись вперед и больно, до синяка, сжали её предплечье. — Выверни карманы. Живо.

Это было хуже удара. Карманы. Там лежит медная птица. Холодная, чужая, кричащая одним своим видом о том, что у неё есть секрет. Секреты в этом доме карались с особым вкусом.

— Мне нечего выворачивать, — Агнес попыталась вырвать руку, но хватка стала железной. — Я работаю... — Ра-ботает она, — пропел он, свободной рукой залез в карман её передника. — Сейчас посмотрим, как ты работаешь... Его пальцы коснулись металла. Медальон-застежка. Он вытащил его, поднес к лицу, шурясь спросонья. Покрутил в пальцах, провел большим пальцем по острому краю чертополоха. — Где взяла? Сперла у Марковича? — он разжал пальцы. Тяжелый диск полетел на пол и с глухим стуком закатился под лавку. — Ладно, потом найдешь. А теперь марш в лавку. Жрать хочу. Принеси мне копченой грудинки. Да смотри, чтоб жирок был, не бери сухую. Поняла?

Он толкнул её к выходу. Агнес молча схватила плетеную сумку и выскочила за дверь, жадно глотая сырой утренний воздух. Замок щелкнул за спиной, но облегчения не принес. Ноги сами понесли её прочь от калитки, в сторону Мясницкой улицы, где над входом в лавку дяди Самсона висела облезлая свиная голова.

Весь путь до лавки и обратно прошел как в тумане. Торговалась за унцию жира, отсчитывала медь, кланялась соседям, но внутри всё горело. Он нашел застежку. Он выбросил её под лавку. Книга осталась в безопасности, глубоко в ножке кровати, но граница их мира была нарушена. Отчим почувствовал запах тайны. Как старый, больной пес, он чувл перемены в воздухе своего логова.

Когда она вернулась, дом снова провонял портвейном. Отчим сидел на крыльце, шурясь от мерзкого утреннего солнца, и курил. Рядом, тускло поблескивая в пыли, лежала медная птица. Он специально не занес её в дом. Оставил лежать здесь. Чтобы она видела. Чтобы помнила. Кто здесь хозяин каждой мелочи.

Агнес опустила сумку с продуктами на нижнюю ступеньку. Медленно наклонилась, подняла застёжку. Металл обжег замерзшие пальцы холодом. Она зажала её в кулаке так сильно, что острые края стебля впились в ладонь. Боль была настоящей, осязаемой. Единственной реальной вещью в этом рассыпающемся мире.

Весь день она ждала ночи. Не со страхом, а с лихорадочным нетерпением узника, которому передали напильник в буханке хлеба. Работа в магазине превратилась в тягучий сон. Илья Маркович дважды делал ей замечание за то, что она роняет гроссбух и смотрит невидящим взглядом в окно, на свинцовую воду залива.

— Опять летаешь, девка, — буркнул старик, протирая очки замшевой тряпицей. — Жениха тебе надо. Хорошего пинка под зад, чтобы обеими ногами на земле стояла. Мечты тебя в могилу сведут раньше времени.

Если бы он знал, куда они её ведут на самом деле.

Дом встретил её темнотой и новой бутылкой на столе. Отчим уже начал пить, но сегодня он был тихим, погруженным в себя. Это пугало больше обычного буйства. Тихий отчим придумывал наказания долго, со вкусом, растягивая удовольствие.

Она дождалась, пока внизу стихнет возня, пока пьяный храп не заполнил все щели между этажами. Только тогда Агнес достала из тайника в ножке кровати тяжелую книгу.

Снова керосиновая лампа. Снова тепло страниц под ладонями. Розовый аромат ударил в ноздри, стоило лишь приоткрыть обложку. Буквы проступили мгновенно, ожидая её. Текст изменился:

«Первый камень спит в горле певчей птицы. Второй камень плачет в руках вдовы. Третий камень тонет в молоке черной коровы. Четвертый камень ждет в пустой колыбели».

Агнес вела пальцем по словам о вдове. Плачет в руках. Слезы? Но слёзы текут по щекам, а не лежат в ладонях. Камень нужно найти. Значит, это предмет. Что-то, что держит женщина, потерявшая мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.